

В.С. Сорокин

Детский сборник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.С. Сорокин**
Детский сборник / В.С. Сорокин – М.: Книга по Требованию, 2016. – 234 с.

ISBN 978-5-518-09783-4

ISBN 978-5-518-09783-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы!
Только васъ вспомнишь,—улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила,
Прыгаетъ котъ, шевелить его лапкой,
Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой,
Двигается сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга шумить и гудить.

Прогнали сонъ мой рассказы старушки:
Вотъ я въ лѣсу, у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая —
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный: ни свиста, ни шума,
Смотрать деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце мое замираетъ-дрожить...
Зимняя вьюга шумить и гудить.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ.
«Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою.
Божія сила да будетъ съ тобою...»
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
Сплю и не сплю я... лампадка горитъ.
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Никитин.

КАПЛЯ ВЪ МОРѢ.

(Займствовано изъ Вѣстника Естественныхъ наукъ 1857 г.)

По поверхности моря широкаго, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, миллионы маленькихъ капель носились туда и сюда по волѣ вѣтра, и прыгали какъ рѣзвые дѣти на колѣняхъ своей матери. Одна изъ дочерей этого многочисленнаго семейства, будучи своевольнѣе другихъ, хотѣла прыгнуть все выше и выше, но вмѣстѣ со своими сестрами ушадала опять на грудь матери. Иногда, прильнувъ къ плавникамъ дельфина, уносила она съ нимъ, прыгая на далекое пространство, но не могла вспрыгнуть она выше рыбы; когда же дельфинъ нырялъ, то и она за нимъ исчезала. Ее, какъ будто привязанную за ниточку, тянуло снова въ море—ея родную колыбель. Когда же она взглядывала на свѣтлое, голубое небо, которое, какъ второй океанъ, широкимъ сводомъ, съ лучезарнымъ солнышкомъ въ вышинѣ, раскидывалось надъ моремъ.

то ее разбирала охота постранствовать, вспрыгнуть въ воздухъ къ облакамъ, поплавать съ ними въ этомъ голубомъ, воздушномъ морѣ, и оттуда полюбоваться на землю. Малютка наша стала просить солнце, чтобы оно взяло ее къ себѣ, въ свой далекий путь вокругъ земли. Понравилась доброму солнышку смѣлость нашей крошки, и оно исполнило ея просьбу. Тотчасъ послало оно нѣсколько лучей своихъ внизъ, и въ одно мгновеніе проникли они въ море, чтобы поднять съ собою капельку высоко на воздухъ и вмѣстѣ съ нею захватили цѣлый рой другихъ капель, чего однакоже наша путешественница и не замѣтила, потому что солнце превратило уже ихъ въ незримый воздухъ. Поднявшись на значительную высоту, достигли онѣ наконецъ до воздушной рѣвки, потому что и тамъ, какъ у насъ, есть также и рѣвки и ручьи, только состоятъ они не изъ воды, а изъ воздуха. Капельки прыгнули всѣ въ эту воздушную рѣвку и унесла ихъ рѣвка въ широкое море, далеко отъ земли. Что за раздолье было имъ тамъ носиться въ воздухѣ быстрѣе рыбъ плавающихъ, быстрѣе птицъ летающихъ! И какъ изумились онѣ, когда глубоко подъ ними разостлался новый міръ! Онѣ смотрѣли внизъ на зеленые луга, на волнистыя нивы, на деревья и кусты, на города и села. Тутъ мужьякъ съ парюю воловъ пахаль поле; тамъ скакаль всадникъ на рѣзвонъ конѣ; здѣсь, какъ-бы привѣтствуя невидимую семью капель, взлетѣль къ нимъ орелъ, и

обратно спустился, какъ стрѣла; далѣе, въ пушистыхъ лѣсахъ порхали пестрыя птички, весело раслѣвая. Все было для нашихъ капелекъ ново, и когда онѣ спали, прильнувши къ груди своей матери, моря-океана, то имъ и въ голову не приходило, что можно видѣть городъ, лошадь, поле.

Въ радости и удивленіи, онѣ и не замѣтили, что солнце все глубже и глубже уплывало съ неба. Наконецъ, окунулось оно въ море въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда онѣ начали путь свой. Не весело стало нашей рѣзвой капелькѣ въ этихъ высокихъ струяхъ воздуха, между тѣмъ съ каждой минутой становилось все холоднѣе, да темнѣе. Бѣдняжка рѣшилась ночевать на землѣ, поля, деревья и кусты которой такъ привѣтно улыбались ей днемъ. Задумано,—сдѣлано. Неслышно и невидимо начала она опускаться. Чѣмъ ниже она опускалась къ землѣ, тѣмъ становилась тяжелѣе; она чувствовала, какъ изъ легкаго, прозрачнаго пара превращалась она въ видимую, водяную каплю; чѣмъ ближе къ землѣ, тѣмъ быстрѣе катилась она и, наконецъ, приютилась къ розовому кусту. Полураспустившаяся почка гостепрѣмно открыла ей свою алую чашечку, и наша малютка проворно проскользнула въ нее, потому что въ этомъ зеленомъ домикѣ была приготовлена душистая постелька для ночнаго покоя.

Когда забрезжило утро и заалѣло на востокѣ, то проснулась и наша капелька, и съ радостнымъ изумленіемъ смотрѣла на свою душисторозовую постельку,

лепестки которой блестяли, какъ лучи утренней зари. Свѣжая, веселая, покинула она свое благоухающее ложе, и сѣла на край цвѣточнаго листочка. Тутъ поджидала она солнце и когда оно всплыло на небо во всемъ своемъ великолѣпнн и весело взглянуло на свѣтлую капельку, посмотрѣлось въ ней, и капелька засіяла ярче алмаза. Солнечные лучи быстро притянули ее къ небу и снова весело поднялась она высоко надъ городами и землями, надъ горами и долинами. Однако, по мѣрѣ того, какъ день становился жарче и душнѣе, истощались и силы нашей молодой странницы, ей хотѣлось бы остановиться и отдохнуть. Но на пути ея не стояло ни стебелька травки, не цвѣли розы, не было нигдѣ тѣни. Она чуть не заплакала отъ утомленія, и взмолилась въ горѣ своемъ доброму солнышку: «пусти меня опять на землю или къ матери моей, родному морю!» Лишь только она проговорила эти слова, какъ услышала подлѣ себя тысячи голосовъ, лепетавшихъ ту же просьбу: то были ея сестры — капли, невидимо плывшія вокругъ нея. И сжалилось доброе солнце, послало прохладный вѣтерокъ, столкнувшій всѣ капельки въ одно сѣрое облако, которое тѣмъ больше росло, чѣмъ больше набиралось въ немъ капель.

Бѣдныя малютки жались другъ къ дружкѣ и не знали, что съ ними дѣлалось, до тѣхъ поръ, пока превратились въ видимыя, круглыя водяныя капли; тутъ, обнявъ другъ друга, онѣ бросились внизъ, что

есть силы. Какой же был шумъ и плескъ, когда это маленькое, но безчисленное войско прибыло на землю! Люди говорили: «дождь идет!» Часть капель пала на высокую гору, а съ ними и наша крошка-богатырь. Однакоже высокое падение не причинило ей никакого вреда. Весело скатилась она по крутому утесу внизъ, а сестрицы ея за нею, какъ пчелы за своей маткой. Скоро вся вереница капель столпилась вмѣстѣ; онѣ такъ тѣсно жались другъ къ дружкѣ, что срослись въ пѣнящійся водопадъ, который катился впередъ смѣло и весело. Приближались ли онѣ къ острому, угловатому камню, преграждавшему имъ путь—тотчасъ взапуски старались перепрыгнуть черезъ него, и всѣхъ выше прыгала капля-царекъ *). Иногда садилась она на кустъ земляники, росшій на краю ручья, и, сверкая на проглянувшемъ солнцѣ, скользила по бѣлымъ цвѣточкамъ; или, цѣпляясь къ листочкамъ свѣсившейся ольхи, до тѣхъ поръ качалась на нихъ, пока упала въ ручей на своихъ спутницъ и весело уносилась съ ними вдаль. Проплывъ такимъ образомъ на довольно большое разстояние отъ горы, услышали онѣ внизу долины плескъ, и, подплывъ ближе, увидѣли домъ, подлѣ котораго лежали два большіе круглыя камня и стояли двѣ телѣги, на ко-

*) Царекъ, царькомъ называется на Бѣломорѣ сельдь, плывущая впереди прочей вереницы.

торья бѣанй, какъ будто мѣломъ вымазанный, чело-
вѣкъ навѣючивалъ мѣшки. Позади дома неутомимо
вертѣлось колесо, по которому шумно катился ручей.

То была мельница. Внутри ея вертающееся колесо
быстро поворачивало два такіе же камня, какіе стояли
передъ дверью. Камни эти, называемые жерновами,
усердно работали, чтобы превратить хлѣбное зерно
въ муку. Чья же богатырская сила ворочала это
колесо вмѣстѣ съ жерновами? Ни чья другая, какъ
нашихъ маленькыхъ капель, миллионами прыгав-
шихъ черезъ колесо и наступавшихъ съ такою
силою, что колесо склонялось подъ ними. Какъ
мала и ничтожна одна водяная капля! Но когда
много такихъ малютокъ соединится вмѣстѣ, тѣсно
и дружно, какъ сестры, то онѣ получаютъ испо-
линскую силу. Наша капелька, собравъ своихъ се-
стеръ, смѣло рѣшилась на страшный скачекъ, и
когда очутилась внизу колеса, то подумала, что уже
совершенно погибнетъ подъ сердито закипѣвшей надъ
нею пѣной. Но капелька - богатырь скоро всплы-
ла на поверхность и спокойно и бодро поватилась
далѣе, какъ будто-бы съ нею ничего и не случилось.
Не далеко въ сторонѣ лежалъ прудъ, въ который
вливался ручей. На пруду плавали утки и гуси, у
берега поселились лягушки; онѣ отыскивали себѣ въ
мягкомъ, сыромъ илѣ червячковъ и весело покваки-
вали, какъ-бы переключаясь между собою. Изъ ти-
нистаго dna игриво поднимались карпы и лини, во-

торые плескались и прыгали въ водѣ, какъ будто-бы они были морскіе дельфины. Нашей маленькой каплѣ показалось это очень забавнымъ, и она рѣшилась погостить здѣсь нѣсколько времени.

Однакоже, нашей малюткѣ, вырвавшейся изъ безграничнаго моря, скоро стало душно и тѣсно въ ничтожномъ пруду, и опять захотѣлось ей взобраться къ солнцу и, поплававъ съ облаками въ лазурномъ воздухѣ, возвратиться на свою родину—въ море-океанъ, который она покинула такъ безразсудно и напрасно. Но вдругъ пришла какая-то женщина съ лейкой, нагнулась къ пруду и зачерпнула много капелекъ, вмѣстѣ съ ними и нашу, и вылила ихъ на бѣлый холстъ, разостланный около пруда для бѣленія. Очутилась наша бѣглянка на сушѣ и плохо приходилось ей бѣдной; но доброе солнышко вовремя замѣтило ея горе. Быстро подхватило оно ее съ сестрицами на лучахъ своихъ, такъ что и слѣдовъ на холстѣ не осталось, и снова весело понеслась наша капля къ синему воздушному океану. Но не все-же солнцу возиться съ маленькой каплею, и вотъ перевинуло оно ее далеко, въ широкія степи Новороссійскія, гдѣ и холодно, и посмотрѣть - то не на что. Путь былъ далекъ и когда, наконецъ, странствующая капля упала на землю русскую, то и жаръ ея простылъ. Рѣзкій холодный вѣтеръ дулъ съ сѣвера, морозилъ воздухъ, и милліонами собирались капли, какъ-бы для того, чтобы нагрѣться другъ о

дружку. Но плохо было имъ грѣться: солнце стояло далеко на горизонтѣ и косвенными лучами едва-едва проникало сквозь мрачный туманъ. Прошло еще не много времени, какъ вдругъ, о чудо! каждая капелька сдѣлалась бѣлой, серебристо-свѣтлой звѣздочкой, украсилась тоненькими иголочками и пушкомъ, да такимъ тонкимъ и нѣжнымъ, какъ пыль на крылышкахъ бабочекъ, и бѣлыми мотыльками запорхали ледяныя звѣздочки въ пестрой плясѣ, прыгая другъ черезъ дружку внизъ до земли; а люди говорили: «снѣгъ идетъ!»

Наша маленькая оледенѣлая крошка - богатырь упала съ подружками своими на поле, и разостлались онѣ всѣ по немъ теплымъ зимнимъ покровомъ, точно сшитымъ изъ мягкаго, бѣлаго гагачьяго пуха, заботливо укрывъ отъ сильныхъ зимнихъ морозовъ прозябающіе корни и зерна, хранимые землею въ мягкой, темной постельѣ. Сами же капельки не чувствовали ни зимняго холода, ни морознаго вѣтра, свободно разгуливавшего по снѣжной равнинѣ: ничего не слышали онѣ, потому что спали долгимъ зимнимъ сномъ. Далеко, далеко отъ нихъ уватилось солнце, но изъ дальней сторонушки часто ласково взглядывало оно на спавшихъ малютокъ, и тогда заалѣютъ онѣ, бывало, сами камнями самоцвѣтными, засіяютъ солнцами блестящими и звѣздами горящими. Такъ около 4-хъ мѣсяцевъ проспали онѣ сномъ непробуднымъ.